

а в степной зоне на первом месте находилось земледелие, а затем уже скотоводство. Специализированное животноводство господствовало главным образом в лесостепной зоне Алтая, затем — в степной, но оно складывалось также в подтаежной, таежной и особенно в горно-таежной зоне (Бийский уезд).

Богатейшим хлебным районом являлся Барнаульский уезд. Из Барнаула накануне Первой мировой войны ежегодно отправлялось по 4 млн пудов хлеба. К барнаульской группе районов тяготело около 480 тыс. человек сельского населения с 500 тыс. десятин посева и 670 тыс. голов скота в переводе на крупный. Одним из важнейших пунктов вывоза хлеба в Барнаульском уезде стало до этого малоизвестное село Камень. К нему тяготел громадный район: хлеб вывозили из волостей, отстоявших более чем на 250 верст. Переселенческий поселок Секачи, переименованный затем в Славгород, стал центром транзита сельскохозяйственных продуктов, особенно после открытия железной дороги от ст. Татарская. Крупными поставщиками хлеба становятся с. Сорокино — 900 тыс. пудов в среднем за 1909–1911 гг., Шелаболиха — 500 тыс. пудов. По 600–700 тыс. пудов зерна ежегодно скупалось в с. Бердском. Важнейшей водной артерией для массовых перевозок продукции стала Обь с крупнейшим перевалочным пунктом в Новониколаевске. Главными пристанями были Бийск и Усть-Чарышская в Бийском уезде. Хлебные грузы поступали сюда из волостей, находившихся на расстоянии 150–200 верст. Бийский уезд являлся также крупнейшим поставщиком мяса.

Приведенные выше данные красноречиво свидетельствуют о значительном прогрессе в сельском хозяйстве Алтая в предвоенные годы. Было много недостатков и отсталости в хозяйствовании поколений крестьян того времени. Но на их долю выпали и невероятные трудности землепроходцев. Факты ярко и во всей конкретности показывают, сколь поистине героическим, настоящим подвигом был труд и вклад дореволюционного крестьянства по освоению алтайской земли.

11.2. Столыпинские переселения

Плодородные земли Алтайского округа издавна являлись объектом притяжения сотен тысяч малоземельных крестьян из европейской части Российской империи. Несмотря на многочисленные попытки властей ограничить миграции, с 1865 г. в округ почти непрерывно направлялся стихийный поток земледельцев, численность которых к 1905 г. достигла более 650 тыс. человек. По-настоящему небывалые масштабы движение крестьян получило с началом Столыпинской аграрной реформы (1906–1914 гг.), поскольку ее составной частью явилась организация миграций за Урал. Применительно к истории Алтая условно датой завершения столыпинской переселенческой политики принято считать 1914 г., поскольку в связи с вступлением Российской империи в Первую мировую войну практически полностью прекратились работы по формированию колонизационного фонда и образованию переселенческих участков соответственно, а также многократно снизился поток мигрантов в Сибирь.

Особенность столыпинских переселений заключалась в том, что государство не только выступало организатором миграций крестьян, но и поощряло их, старалось поставить под свой контроль. На Алтае реализация столыпинской переселенческой политики была связана с опубликованием указа 19 сентября 1906 г.,

предоставившим свободные земли для нужд переселений. Разрешение обустриваться на незаселенных территориях округа, обеспечение мигрантов разнообразными ссудами и льготами, а также издание многотиражных рекламных информационно-справочных работ резко увеличили интенсивность крестьянского движения в регион. Мощная переселенческая волна, хлынувшая на Алтай, застигла врасплох местных чиновников, не успевших подготовить требуемое количество земельных участков. В частности, первое заселение на алтайские земли сопровождалось настоящими беспорядками. И в первый год действия указа многие поселки в округе возникли самочинно, в результате самовольного захвата участков крестьянами. Всего за годы реализации столыпинской переселенческой политики на земли Алтая переселилось более 700 тыс. человек обоего пола, т.е. около 30 % от общего числа столыпинских мигрантов Сибири и Дальнего Востока. В целом на Алтай в 1907–1914 гг. прибыло около 900 тыс. человек, из них чуть более 200 тыс. по различным причинам (не смогли приспособиться к сибирскому климату, не нашли подходящие земли и т.д.) вернулись на родину. При этом 70 % переселившихся крестьян прибыли на Алтай в первые три года после выхода указа 1906 г. Только с 1910 г. наметилось сокращение численности переселяющихся на территорию округа. Это было связано с неурожаями 1910–1911 гг. и уменьшением колонизационной емкости региона на фоне промышленного подъема и мероприятий по улучшению землепользования крестьян в центральных губерниях страны.

Наиболее активно на Алтай ехали выходцы из центрально-черноземных губерний, Украины, Новороссии и Поволжья, где крестьяне более всего ощущали земельную «тесноту». Также в начале XX в. в переселенческое движение оказались вовлеченными жители западных губерний империи (Могилевская, Витебская, Виленская, Гродненская, Смоленская и др.). Все это привело к существенному изменению национального состава населения Алтая, ведь за годы реформы сюда прибыли значительное число украинцев, немцев, белорусов и прибалтов. В округе даже сложились украинская и немецкая «колонии». При этом последняя была самой большой в Сибири.

Как правило, на переселение в Сибирь решались крупные семьи с большим количеством молодых работников. Именно «многоработным» были под силу распахка целины или раскорчевка тайги, строительство дома и другие трудоемкие работы. Эти же обстоятельства, а также тот факт, что на рубеже веков землю выделяли на так называемую мужскую душу, обуславливало преобладание мужчин в составе семей мигрантов. Переселенцы стремились использовать для проезда в Сибирь теплое время года, что облегчало сам переезд, первоначальное устройство, позволяло успеть ко времени сева. В путь, как правило, отправлялись не одиночными семьями, а группами семей, партиями родственников или односельчан. Коллективный переезд позволял поддерживать друг друга в дороге советом, деньгами, пищей. В результате на Алтае возникли целые населенные пункты, жители которых имели родственные или земляческие связи. Их названия отражали наименования мест жительства на прежней родине. Так, жители Валковского уезда Харьковской губернии заселили переселенческий участок Оргозгонь, из которого в дальнейшем вырос поселок Валки. Также на карте Алтайского округа появились Екатеринославский, Курский, Харьковский, Новокиевский, Новополтавский, Елизаветград, Мариуполь, Орловка и другие поселки.

Сама процедура переселения в Сибирь состояла из нескольких этапов. Сначала крестьяне должны были направить в регион ходока для поиска и осмотра, а также

зачисления земли. Зачислением называлось закрепление какого-либо земельного участка за отдельным крестьянским хозяйством. В годы реализации Столыпинской аграрной политики ходачество играло очень важную роль, поскольку оно страховало крестьян от поездки в неведомые земли наобум. Кроме того, в начале XX в. законным считалось только то переселение, которому предшествовало ходачество, поскольку наличие документального подтверждения зачисления земли в Сибири давало право на разнообразные ссуды и льготы от государства. В противном случае крестьяне считались «самовольцами» и лишались государственной поддержки. Ходоки могли представлять как отдельные семьи, так и несколько семей, имели право ехать в Сибирь по железной дороге по специальному льготному тарифу. Крестьяне старались выбирать на роль ходоков наиболее грамотных и предприимчивых однообщинников, не доверяли данную «миссию» бедным хозяевам: «...ему все одно, куда нинабудь приткнуться, потому семья дюже велика и жить тесно». Прибыв в регион и получив информацию у переселенческих чиновников о наличии свободных участков, ходоки приступали к осмотру земель. Они старались выбрать участки поблизости к железной дороге и лесу, учесть качество почвы и рельеф участков. Значительную роль играло и сходство природных условий местности с родиной. Разнообразие ландшафтов Алтая позволяла выходцам из степных губерний подыскивать участки в степных районах, жителям лесостепной полосы обосноваться в знакомой природной среде и т.д. Ходачество являлось денежно-затратным предприятием. Так, для успешного ходачества в Томскую губернию в начале XX в. требовалось один-два месяца (без учета времени на проезд до губернии) и значительные по тем временам средства (не менее 30–60 руб.).

После зачисления с помощью ходоков участков крестьяне приступали к ликвидации хозяйства на родине, продавая или передавая в аренду свое имущество. Это стало возможным благодаря указу 9 ноября 1906 г., который разрешал каждому дворохозяину переводить причитающуюся ему общинную землю в частную собственность. Тем не менее вырученные деньги не могли покрыть все предстоящие расходы. Правительство пыталось облегчить их тяготы, выдавая специальные путевые ссуды. Однако размеры ссуд колебались по годам. Например, в 1907 г. ссуда в среднем составляла по 2 руб. на семью, в 1909 г. — 6 руб. 80 коп. Притом, что проезд от Курска до Барнаула на одного человека, включая расходы на провоз багажа и минимальное питание, обходился примерно в 25 руб. В целом, в ходе реализации реформы наблюдалась тенденция к сокращению государственных ассигнований на данную категорию выплат, поскольку правительство стремилось ограничить въезд экономически несостоятельных переселенцев, чтобы избежать движения крестьян в обратном направлении.

В Сибирь крестьяне приезжали преимущественно по железной дороге. Для руководства передвижением по железнодорожному пути были образованы два района: Западный, включающий пути следования в пределах европейской части России до станции Ново-Николаевск, и Восточный — от станции Ново-Николаевск далее на восток. Заведующий Западным районом передвижения проживал в Челябинске, Восточным — в Иркутске. Обязанности заведующих районами передвижения заключались в оказании в пути переселенцам всевозможной помощи (продовольственной, медицинской и административной). На узловой железнодорожной станции Челябинск был организован крупнейший переселенческий пункт, построены остановочный двор, больница, столовые, разнообразные хозяйственные постройки, функци-

ониrowали санпропускник с дезинфекционной камерой, церковь, приют для сирот переселенцев. Здесь крестьяне могли получить информацию о наличии свободного земельного фонда в различных местностях Сибири и способах проезда до них, организовывалась продажа справочно-информационной литературы. Переселенческие пункты создавались также на других станциях следования. Так, в пределах Томской губернии были открыты переселенческие пункты на станциях Татарская, Каргат, Обь, Болотная, Тайга, Томск, Мариинск, Боготол; на пристанях в Камне, Барнауле, Усть-Чарышской. На них крестьянам предоставлялась медицинская, а также по умеренным ценам продовольственная помощь (например, стоимость порции скромных щей или борща составляла 4 коп., постных — 2 коп., детям до 4-х лет бесплатно выдавали молоко и белый хлеб).

Переселенцы направлялись в Сибирь в вагонах-теплушках, получивших свое название из-за печей, располагавшихся в центре помещения. Конструкция подобного типа вагонов имела ряд недостатков: отсутствовали искусственная вентиляция и уборные, в вагонах не поддерживался постоянный температурный режим. Потому для нужд переселения были также введены в эксплуатацию специальные пассажирские вагоны, оборудованные туалетами, титанами, системами водяного отопления, с расчетом на дальнейшее их использование для транспортировки российских войск. Для упорядочения передвижения переселенцев с 1907 г. устанавливались пять очередей отправки составов продолжительностью две недели каждая и запасная шестая очередь для тех, кто не успел по каким-либо причинам воспользоваться более ранними очередями. Несмотря на предпринятые меры, сами крестьяне-переселенцы отмечали медлительность погрузок поездов, продолжительность остановок, задержки составов, неудобства пересадок, отсутствие необходимых сооружений на станциях ожидания и т.д. Только после 1910 г., когда масштабы переселенческого движения стали сокращаться, произошло качественное улучшение продовольственного и санитарно-медицинского обслуживания переселенцев, увеличилось количество вагонов новой конструкции, были построены новые и переоборудованы имеющиеся переселенческие пункты и т.д.

Решившиеся на переселение крестьяне могли обосноваться на Алтае как в старожильческих селениях, так и на специально отведенных переселенческих участках. Поселиться в деревнях старожилов переселенцы могли двумя путями. Первый путь — в результате поземельного устройства по реформе 1899 г. Так, закон 31 мая 1899 г. предусматривал наделение земель не только старожилов, но и переселенцев при условии, что на момент землеустройства они вели самостоятельное земледельческое хозяйство. Второй путь устройства к старожилам предусматривал получение приемного приговора за денежную плату от старожильческих обществ. Стоимость их колебалась в различных обществах от 40 до 60 руб. за душу мужского пола. Но уже в первый год массового движения столыпинских переселенцев на Алтай цена приемных приговоров выросла до 100–120 руб. Потому приписываться к старожильческим обществам могли наиболее состоятельные мигранты. Сибирские старожилы охотнее давали приемные приговоры в страду, когда особенно острой была потребность в рабочей силе. После же завершения полевых работ оттягивали приписку, повышали цены на приговоры.

Очевидно, что подселение к старожилам имело ряд преимуществ перед устройством на вновь образованных участках. В деревнях старожилов с их сложившейся инфраструктурой переселенцы всегда могли найти жилье, возможность

заработка, приобрести все необходимое для хозяйства и т.д. Более легкой была и обработка земель в дачах старожилов: мигрантам предстояло распахать залежь, а не целину, как на многих переселенческих участках округа. Кроме того, переселенцы полагали, что пашни старожилов отличает лучшее качество почвы. Несмотря на это, к началу XX в. взаимоотношения алтайских старожилов и переселенцев стали приобретать конфликтный характер. Дело в том, что существенное уплотнение населения сказалось на привычном укладе жизни старожилов, хозяйствовавших согласно изречению: «селись, где хочешь, живи, где знаешь, паши, где лучше, паси, где любче, коси, где густо, лесуй, где пушно». Старожилы оценивали переселенцев как врагов своего земельного приволья («стеснили лапотяне»), сторонились их в личном общении, отмечая культурно-бытовые и языковые различия («их (российских) бывало не поймешь, че говорят»). В старожильской среде переселенцев презрительно называли «самоходами», за бедность выходцев из внутренних губерний страны прозвали «вшивой рассеей». Южнорусских переселенцев, выделявшихся особым наречием и чертами культуры (например, ношение лаптей, понев) сибиряки называли «хохлами» или «лапотонами».

Переселенцы считали, что сибиряки «необразованные», называли их «чалдонами». Используя слово «чалдон» (первое значение — «бродяга, каторжник, беглый»), переселенцы исходили из обывательского представления, распространенного в Европейской России, что все сибиряки и есть бывшие каторжники. Представители двух «миров» редко вступали в брак, предпочитая подбирать невест по принципу землячества, обособленно отмечали праздники. Даже в молодежной среде существовало порицание за участие в играх «противоположной» стороны. Неписанными законами запрещалось появление юноши одного края деревни в другом, так как за подобное нарушение ему грозила физическая расправа. Нередко случались драки: «Ребята за девок дрались», «своих девок не раздавали». В населенных пунктах со смешанным населением более высокое социальное положение старожилов выражалось в первоочередности в пользовании землей (как первопоселенцев), признании новоселами прав старожилов на лучшие угодья. Нередко в границах одного селения формировались обособленные группы жителей, называемые «концами» или «краями», например, в с. Усть-Калманка выделялись Кержацкая улица и Курский край, в с. Тальменка существовали Сибирский край и Рязань и т.д.

Более медленное сближение переселенцев и старожилов в культурной сфере и образе жизни не препятствовали взаимовыгодному обмену хозяйственным опытом. Прагматические цели двух групп населения совпадали: и те, и другие были заняты тяжелым крестьянским трудом, результативность которого в условиях «сложного» сибирского климата не подлежала прогнозированию. Переселенцы перенимали у старожилов приемы земледелия, сообразные условиям сибирского климата. Старожилы в свою очередь учились способам повышения эффективности крестьянского труда путем применения сельскохозяйственной техники, активно использовавшейся новоселами. В одной из алтайских газет даже писали: «... как ни консервативен старожил-сибиряк... все же смотришь, весной и он ходит за плугом новой конструкции, или осенью молотит хлеб не традиционным цепом, а эльвортовской молотилкой».

Несмотря на некоторые преимущества устройства в селах старожилов, в годы Столыпинской аграрной реформы на Алтае только около 35% мигрантов ежегодно приселялись к старожильским обществам. А большинство крестьян-переселенцев стремилось устроиться на специальных участках, выделяемых для них государством.

Их формированием занималась местная переселенческая организация, создававшая специальный колонизационный фонд. В него включались свободные земли Алтайского округа, излишки, оставшиеся от землеустройства старожилов по закону 1899 г., и оброчные статьи по мере прекращения на них арендных договоров. Уникальность формирования колонизационного фонда в алтайском регионе заключалась в том, что в отличие от других районов Зауралья, земли переходили в распоряжение государства за деньги, выплачиваемые Кабинету. Государство должно было выплачивать Кабинету по 22 коп. с десятины удобной земли ежегодно в течение 49 лет. Всего под переселенческие участки во всех частях округа было выделено свыше трех миллионов десятин. Один из самых больших массивов переселенческих участков возник в Барнаульском уезде, в волостях Кулундинской и Барабинской степей. До реформы эти местности практически не заселялись, а Кулундинская степь даже была признана малопригодной для земледелия и передана под кочевья казахов. Выделение этих земель обуславливалось потребностью скорейшего устройства многотысячной переселенческой массы. Обустройство здесь крестьян оказалось сопряженным с целым рядом трудностей. Практически лишённые поверхностных вод, покрытые озерами преимущественно с соленой водой, территории алтайских степей потребовали от земледельцев вступить в постоянную борьбу с безводьем. Они рыли колодцы для добычи подземных вод, строили специальные сооружения: «карлыки» (использовались для хранения снега) и запруды (применялись для задержания талой воды), сеяли сорта пшеницы, лучше переносившие засуху (голоколоска, чернеуска и др.), практиковали для сохранения влаги в почве вспашку земли не только весной, но и осень. Острота борьбы с маловодьем нашла отражение даже в названиях переселенческих участков Кулундинской степи: пос. Колодезный (пос. Городецкий), участок Черные колодцы (с. Златополь), участок Кельты Пресный (с. Лево-Озерское), участок Кельты Горькие (пос. Чесноковка) и др. Сложность обзаведения хозяйством в степных районах была также связана с острой нехваткой леса для строительства. Нередко в первые годы обустройства семьи переселенцев находили приют во временном жилье — землянках. Лишь по истечении некоторого времени приступали к строительству более удобного и надежного жилья. Довольно распространенным типом построек явились недолговечные, но дешевые плащанные избы, соорудившиеся из дерна. Также переселенцы Кулунды возводили свои дома из самана — строительного материала, представляющего собой смесь глины с соломой. Дефицит леса восполнялся переселенцами использованием в строительстве веток кустарниковых растений (например, для плетения изгородей), а в качестве топлива — навоза, из которого также изготавливались кирпичи («кизяки»).

Крестьяне мужественно переносили трудности первых лет обустройства и всячески старались украсить свое жилье. Например, немецкие поселки отличали чистота и порядок, улицы подметали и в жаркое время года поливали, снаружи дома окрашивали яркими масляными красками, а фасады и заборы украшали орнаментом из цветов и птиц. По воспоминаниям одного из современников, даже темной ночью по наполняющему воздух аромату цветов (табак, петунья, гвоздика, левкой) угадывался немецкий поселок. Проживавшие в Кулундинской степи многие выходцы с Украины постарались сохранить традицию побелки хат, научившись добывать по берегам соленых озер белый мергель (осадочная горная порода), называемый в народе «белая глина».

Сложно складывались отношения переселенцев и казахов, проживавших в Кулундинской степи. Крестьяне-переселенцы обвиняли казахов в кражах скота, самовольных порубках леса, несмотря на то, что зачастую их вину доказать не удавалось. Негативное отношение крестьян к казахам приводило к тому, что последних подозревали во всех злодеяниях. Среди русского населения распространялись всевозможные легенды об их «коварстве». Например, жители с. Константиновка (Златополинская волость) верили, что соленым озеро Большое Шкло стало после того, как вытесненные переселенцами из степи казахи засыпали находящийся в озере родник мукой. В конце XIX — начале XX в. в прессе освещались отдельные случаи столкновения между казахскими жителями округа и пришлыми крестьянами. Наблюдаемая еще в период заселения крестьянами «легкость» перемещения казахов по степи сформировала представление о том, что «казах не вправе пользоваться удобной землей и покосами», так как «он не крещен» и «с японцем не дрался». Тем не менее к началу XX в. враждебность во взаимоотношениях постепенно сменилась хозяйственным сотрудничеством при осторожности в общении и обособленности в быту. Длительное совместное проживание в трудных природно-климатических условиях алтайских степей способствовало взаимообмену хозяйственным опытом. Например, способу сохранения воды в «карлыках» крестьяне-переселенцы научились у казахского населения степей. В свою очередь казахские земледельцы переняли у немецких колонистов приемы обмолота хлеба, позволявшие серьезно экономить время («выиграть целую осень»).

Наряду со степными районами колонизационное движение начала XX в. охватило и горно-лесные районы Алтайского округа. Обустройство переселенцев здесь было связано с так называемым врубанием в тайгу. Особенно трудно проходила в лесных местностях подготовка земли под пашню. Крестьяне практиковали такие способы: «палы» (сжигание леса на корню), «сырцевание» (применялся к молодым деревьям, которые сначала рубили, а затем сжигали), корчевание. Распространение получило также «черчение». Сущность его заключалась в том, что перед выкорчевыванием деревья «подсушивали» путем сдирания части коры в форме кольца. «Очерченные» деревья засыхали длительное время (особенно хвойные породы — лиственница, пихта), поэтому крестьяне с помощью веревок, закрепляемых на верхушках деревьев, вырывали деревья с корнем либо выкорчевывали оставшиеся крупные корни. Безусловно, что работы по расчистке лесных массивов под пашенные пространства были исключительно трудоемкими и требовали привлечения большого количества людских и материальных ресурсов.

Непростыми были отношения русских земледельцев с коренными жителями горных районов Алтая. Дело в том, что до начала реализации Столыпинской аграрной реформы эта территория хаотично заселялась крестьянами, вызывая недовольство аборигенного населения. Запутанность земельных отношений порождала взаимную напряженность и настороженность в отношениях. Постепенно в глазах алтайцев образ русского эволюционировал от «русский как некий “старший брат”» к оценке «русский — угнетатель, захватчик родной земли, презирующий алтайские культуру, традиции и обычаи». В свою очередь русские-переселенцы, не имевшие опыта повседневного общения с инородческим населением, видели в аборигенах своих земельных конкурентов. Выход из этой ситуации был найден к 1910 г., когда инородческое население Горного Алтая было наделено землей по норме 15 десятин на мужскую душу.

Организуя переселения за Урал, государство не оставляло крестьян без поддержки, оказывая им разнообразную помощь. Одним из ее видов являлась выдача денежных ссуд. Ссуды, призванные помочь переселенцам в обзаведении хозяйством, назывались «домообзаводственные». Их размеры не всегда были одинаковыми и колебались по годам. Так, по временным правилам от 25 июня 1903 г. крестьянам полагалось по 100 руб. на семью, а по Правилами о переселении 1908 г. по 165 руб. на семью. Но разрыв между высшим и низшим размером выдаваемой ссуды был весьма существенным: от 100 до 2 руб. Несмотря на то, что по официальным данным стоимость устройства одной переселенческой семьи за Уралом в годы Столыпинской аграрной реформы колебалась от 250 до 500 руб. (затраты на постройку избы, покупку скота, инвентаря и т.д.), в среднем переселенческие семьи получали на руки не более 50 руб. А в 1912 г. появился закон, вообще резко уменьшивший шансы переселенцев Алтая на получение домообзаводственных ссуд. Закон предусматривал выплаты в соответствии с трудностями хозяйственного устройства в той или иной местности. Корректировка этих сумм должна была осуществляться каждые три года. В результате в 1913–1915 гг. ссуды получали только крестьяне, устраивающиеся в степной части Барнаульского уезда (100 руб. на семью) и горно-таежном районе юго-восточной части округа (150 руб. на семью). Переселенцам других частей округа ссуды не выплачивались. Домообзаводственные ссуды выдавались крестьянам частями. Первую половину суммы семья получала по приезду в регион, оставшуюся — только после того, как будет зафиксировано целевое использование первой части. Принятием закона 1912 г. государство попыталось направить крестьян на менее заселенные и «популярные» территории Зауралья. В целом, в последующие годы в связи с существенным уплотнением населения округа ссудное финансирование переселенцев начало сокращаться.

Недостатки имела сама система организации выдачи ссуд. Канцелярии, где они выдавались, зачастую располагались на значительных расстояниях от переселенческих поселков, потому только на дорогу крестьяне часто тратили четверть выдаваемой им суммы. Запоздывание ассигнований, дробление или оттягивание выплат приводили к утрате «полезности» ссуды, и деньги попросту проедались. Крестьяне жаловались: «Когда скот дешев, необходим посев или вспахивается земля, нужен лес — нет ассигновок». Безусловно, что выданных денег было недостаточно для полного устройства новоселов. Тем не менее они были хорошим подспорьем новоселам, прибавлявшим привезенные средства, помогали крестьянам «дотянуть» до первого собственного урожая.

Наряду с домообзаводственными, государство выдавало беспроцентные ссуды на «общеполезные» нужды: обводнительные или осушительные мероприятия, строительство дорог, общественных зданий, сельскохозяйственных предприятий, а также земельное межевание. Так, благодаря государственным кредитам были построены собор в Славгороде, школа в с. Орлеан, мельница в с. Ново-Петровка, почтовые дома в Златополинской волости и т.д. Часто переселенцы старались направить государственные субсидии на строительство церквей. Ведь церковь не только обеспечивала религиозно-бытовые потребности крестьян (крещение, соборование, отпевание и т.д.), но и давала так необходимую им духовную поддержку. Именно вера помогала переселенцам выдержать тяготы жизни на новой родине, смягчала тоску по оставленным родственникам и родным местам.

Государственная политика в отношении переселенцев, помимо оказания адресной помощи (ссуды и льготы), предусматривала создание соответствующей инфраструктуры в местах вселения (дорожные и гидротехнические работы), развитие системы медицинского обслуживания, содействие в деле преодоления агрономической отсталости и распространения сельскохозяйственной техники.

Значительные усилия государства были направлены на формирование дорожной сети Алтая: строились новые и ремонтировались старые дороги, осуществлялись изыскания для прокладки новых линий. В правительственной классификации дорог даже появился особый тип дорог — «дороги, строившиеся с целью колонизации». В целом темпы дорожного строительства повсеместно отставали от процесса создания переселенческих участков. Нередки были случаи, особенно в лесных районах округа, когда крестьяне попросту не могли добраться до труднодоступного нового места жительства. Тем не менее с 1911 г. в связи с курсом правительства на экономическое укрепление новоселов наметился непрерывный рост бюджетных расходов на дорожное дело. В этом же году в Алтайском округе было налажено автомобильное движение между станцией железной дороги Татарская и с. Купиным в Кулундинской степи. Однако в распоряжении переселенческой организации находилось только два автомобиля, поэтому автомобильное сообщение не стало здесь регулярным. Наряду с колесными дорогами в период столыпинских переселений началось активное строительство железных дорог, связывающих отдельные районы округа с Транссибирской магистралью. В 1910–1912 гг. был разработан проект Алтайской железной дороги (Ново-Николаевск — Барнаул — Семипалатинск), от которой была построена ветка на Бийск. В Кулундинской степи железнодорожная линия соединила станцию Татарская Сибирской железной дороги с Славгород. Первый поезд пришел в Славгород 12 августа 1916 г., а с января 1917 г. началось регулярное пассажирское сообщение. Все это способствовало ориентации крестьянских хозяйств на работу не только «на себя», но и на производство товарного хлеба, поставлявшегося на рынки Российской империи.

Помимо дорожного строительства, государство развернуло гидротехнические и ирригационные работы в засушливых частях Алтайского округа. Они включали в себя сооружение колодцев и разнообразных наружных водохранилищ. Все эти мероприятия были непосильны переселенцам в силу своей дороговизны. Так, средняя стоимость колодца в 1907 г. в степной части Барнаульского уезда составляла 436 руб., поскольку для его сооружения требовалось не только проведение глубокого бурения, но и доставка леса, заготавливаемого на значительном от мест водворения расстоянии. А стоимость устройства водохранилища колебалась от 800 руб. до 15 тыс. руб. Несмотря на все усилия переселенческой организации, в полной мере в начале XX столетия проблема безводья в маловодной и засушливой части округа (Кулундинская степь) так и не была решена.

Отдельное внимание было уделено медицинскому обслуживанию мигрантов, отличавшихся большей подверженностью, по сравнению со старожилами, инфекционным заболеваниям (оспа, тиф брюшной, дизентерия, цинга, чесотка и др.). Это объяснялось более низким качеством жизни переселенцев, особенно в первые годы обустройства в Сибири. Проживание во временных жилых помещениях, скудный рацион питания, значительное количество детей в составе семей переселенцев, прибытие в переселенческие поселки новых партий мигрантов, нередко заболевавших в дороге и являвшихся разносчиками инфекций, и целый ряд других обсто-

ятельств приводили к развитию эпидемий. В частности, в 1908 г. переселенцами была занесена в Томскую губернию эпидемия азиатской холеры. В июле 1909 г. в д. Комаринской Барнаульского уезда была зафиксирована эпидемия тифа, также занесенная в деревню мигрантами. В пределах Алтайского округа (в Славгороде, Камне, пос. Тройновском) были построены больницы и приемные покои. Количество медицинских пунктов и численность их персонала по мере заселения мигрантами территории округа постепенно увеличивалась. В то же время рост количества лечебных учреждений не соответствовал степени заселенности региона.

Заинтересованное в прочном оседании мигрантов на новой родине государство всемерно способствовало повышению агрокультуры крестьян. Созданные в регионе агрономические организации проводили просветительскую работу (в формате курсов, бесед, демонстрационных показов), осуществляли научно-опытные мероприятия (например, по искусственному травосеянию), распространяли среди крестьян улучшенные сорта семян. В частности, в 1911 г. сотрудниками таких организации были проведены для крестьян демонстрации рядовых сеялок, зерноочистительных и льномальных машин. Кроме того, на Алтае возникла сеть складов, на которых крестьяне могли приобрести так необходимую им сельскохозяйственную технику. Для сравнения: в 1909 г. в Томской губернии функционировали 20 складов, а к 1911 г. уже 82 склада. Наибольшим спросом среди крестьян-переселенцев пользовались орудия, ускоряющие обработку почвы, а также облегчающие уборку урожая (косилки, жатки, сноповязалки, молотилки, веялки и т.д.). До 1906 г. продажа подобных орудий являлась редким явлением, и именно переселенческое движение из центральной части России создало на них массовый спрос.

Немаловажное значение в истории миграционного движения начала XX в. имел и тот факт, что сами крестьяне-переселенцы нередко придерживались активной жизненной позиции. Они занимались акклиматизацией привычных для их рациона культур (выращивали арбузы и дыни, цветную капусту, бобовые культуры, пытались разводить яблони). Привезли в регион новые породы скота, твердые сорта пшеницы (белотурка, кубанка, черноколоска, синеуска), способствовали выращиванию на Алтае китайской ржи, черного овса, гречихи и проса. Жители немецких поселков научились варить кофе из доступных им заменителей: молотого цикория, жареных зерен ячменя или пшеницы. Переселенцы стремились различными способами «покорить» сибирскую природу. Например, они расширяли посевные площади за счет сокращения земель для выпаса скота, залежи или пара, прибегали к аренде пашенной земли. Они надеялись, что большая запашка защитит их от капризов погоды. Практически полностью отказались от использования примитивных орудий вспашки — сох, используя более производительные буккера, применяли орудия, ускоряющие сбор урожая (косилки, жатки, сноповязалки, молотилки и т.д.).

Хозяйства столыпинских переселенцев отличало и активное привлечение к полевым работам женщин, что объяснялось не только традиционными причинами (высокая мужская смертность, военные мобилизации), но и стремлением крестьян ускорить создание необходимой материальной базы на новом месте жительства путем напряжения всех семейных сил. Эти старания остались не напрасны, и основная масса столыпинских переселенцев значительно улучшила свое землепользование. Обеспеченность землей устроенных в округе крестьян-переселенцев выросла как минимум в 7–8 раз, поскольку в среднем им было отведено около 18 десятин пахотной земли на двор против имеющихся на родине четыре десятины. Тем не менее разме-

ры наделов являлись своеобразной компенсацией за худшее качество пахотных земель, выделяемых крестьянам в зонах рискованного земледелия (степи, предгорья). Сказывался и «жадный» характер землепользования переселенцев, надеявшимися в многоземельной Сибири улучшить свое благосостояние за счет больших посевов и собранного зерна соответственно.

Кроме того, совсем не получили земли «самовольцы», обосновавшиеся на Алтае в обход официальных правил. К 1917 г. численность таких безземельных крестьян-переселенцев (включая переселенцев достопыпинских времен) составляла свыше 200 тыс. человек. Не имевшие посевов и скота, они сдавали свою рабочую силу в наём. Образовывали такую категорию сельского населения, которую принято называть «сельскохозяйственный пролетариат». В целом, сравнительно с другими категориями крестьянского населения Алтайского округа (старожилы и переселенцы второй половины XIX в. — 1906 г.) среди хозяйств столыпинских мигрантов количество зажиточных было меньшим по вполне понятным причинам: требовалось немало времени и труда для того, чтобы крестьяне могли крепко встать на ноги.

Нельзя не отметить, что миграции начала XX столетия стимулировали движение Алтая по пути модернизации. Так, благодаря переселениям в начале XX в. несколько большее распространение получила не коллективная (общинная) форма пользования землей, а более современная для того времени индивидуальная (подворная). Уплотнение населения, приведшее к ограничению земельного простора, потребовало от старожилов корректировки экстенсивного характера использования земли. Теперь стало невозможным неограниченное введение в сельскохозяйственный оборот все новых и новых площадей. Крестьяне-старожилы стали сокращать сроки отдыха земли в залежи, говорили: «ковыля не ждем» (т.е. хорошей травы, что являлось признаком восстановления плодородия почвы), переходила на трехпольный севооборот (залежь — пар — пашня). Модернизации подвергся даже внешний вид жителей округа: многие сибиряки по примеру переселенцев стали носить одежду, напоминающую городскую, шить из покупных материалов, приобретать готовые изделия.

Столыпинские переселения оказали колоссальное влияние на историю Алтая, потому некоторые историки характеризуют их как «переселенческую революцию». Нет, наверное, ни одной стороны развития округа, которая была бы не затронута миграционными процессами начала XX в. Крестьянские переселения дали мощный импульс для роста хозяйственного и демографического потенциала алтайского региона, кардинальным образом изменили уклад жизни «коренного» населения (старожилы, казахи, автохтонное население Горного Алтая), способствовали экономическому и культурному объединению имперского центра с отдаленной окраиной.

11.3. Подати и повинности, общественное положение и социальная структура крестьянства

Одним из центральных и наиболее болезненных вопросов во взаимоотношениях между крестьянством Алтая и государством вместе с Кабинетом оставалась система податей и повинностей. Крупная ее реформа была проведена по закону 18 января 1899 г., когда существовавшие до этого архаичные подушные сборы были, наконец,